

Александр Зубков ВОСХОЖДЕНИЕ ПУТЬ БЕЗМОЛВИЯ

1

Алое, заходящее за горизонт Солнце дарило всему живому последние капли своего тепла. Трое совсем еще юных мальчика шли через раскинувшуюся среди величественных гор долину, торопясь успеть до заката к уединенному монастырю. Порывистый ветер играючи обдувал их легкие накидки, заставляя путешественников прикладывать последние, практически истощенные силы. Еще три часа назад они не знали, куда спрятаться от летнего зноя, а сейчас потуже подпоясывали свое скудное одеяние, опасаясь обессилить от холода. Перепад температур высокогорного Тибета в разные сезоны года относительно невелик, чего никак не скажешь о суточных колебаниях. Небесное Светило уносило за собой тридцатиградусную жару, оставляя путников один на один со свирепыми ветренными порывами, выдувавшими из долины последние остатки тепла, и охлаждая окружающее пространство до десяти градусов Цельсия. Находясь в постоянном движении, они кое-как

поддерживали тепло своих тел. Однако жизнь в здешних краях не понаслышке осведомила их, что ночью температура может упасть значительно ниже, а утром их взор озарит протекающая внизу долины речушка, покрытая корками льда. Страх провести ночь в долине придавал сил и гнал мальчиков вперед, навстречу предначертанной судьбе.

Еще час назад юные путники смогли различить многочисленные постройки монастыря. Они начали просматриваться, отделившись друг от друга, и перестали сливаться в один сплошной ковер. Здания расположились в несколько ярусов за высокой круглой стеной, и каскадом уходили вверх, образуя неприступную конусообразную крепость. В эту минуту подросткам казалось, что монастырь уже давным-давно должен был стать хоть немного ближе, но он продолжал оставаться таким же маленьким, как и в начале пути, теряясь на фоне громадных Гималайских вершин, окруживших собой уединенную обитель со всех сторон.

Как только Солнце скрылось за заснеженными горными пиками, дно долины окутала непроглядная тьма. Сверху казалось, что зигзагообразное русло реки выходит из своих берегов и наполняется темными водами таинственных подземных источников, затопля ущелье. Не прошло и десяти

минут, как мгла поглотила монастырь, а затем и путников, оставив в поле видимости лишь слегка искрившиеся в нежно-розовом свете верхушки гор. Казалось, что тьма не сможет победить такую высоту, покорившуюся горам, но эта иллюзия быстро развеялась, и вскоре мальчики оказались в полной темноте. Они приблизились друг к другу на расстояние вытянутой руки, и шли по тропе, замедлив ход. Потеряв ориентир, мальчики стали продвигаться чрезвычайно осторожно, полностью доверившись узкой проложенной среди ущелья тропке. Кромешная тьма полностью скрыла ее из вида, но юные странники отлично чувствовали ее ровную поверхность сквозь плетеную подошву своей скромной обуви. Как только в их ступни начинали впиваться шершавые камни, они тут же возвращались на утраченный путь. Такое перемещение сильно замедляло их движение, но природа не предоставляла особого выбора.

Не на шутку разыгравшийся ветер сдувал с горных вершин снег, который шквально вонзался в безумцев, посмевших бросить вызов суровому ночному климату. Остановка означала смерть, поэтому мальчики продолжали робко перебирать ногами, ежась от холода. Иногда порывы ветра затихали и оставляли путников в покое. Свист их завихрений уносился глубоко вниз, и это давало возможность услышать величественный рокот гор.

От резкого перепада температур в горных недрах создавалось внутреннее напряжение, что приводило к потрескиванию скальной породы. Эти таинственные звуки, казалось, пропитаны негодованием от присутствия чужаков, и пытались вселить в их юные сердца страх и тревогу. Но монастырь располагался значительно ближе того селения, которое послужило им ночлегом прошлую ночь, поэтому они осторожно шагали в неизвестность, стараясь заглушать в себе навязчивые чувства переживания и смятения. Такие усердия не могли остаться незамеченными властвующими здесь силами, и спустя некоторое время после того, как исчез последний сумеречный луч, ветер из глубины долины взмыл вверх, слегка приоткрыв завесу из густых облаков. Лунный свет, пробившийся из-за черных туч, целебным бальзамом влился в сердца отважных путников, озарив своим желтым светом золотистые кровли учебных заведений. Оказалось, что за такое короткое время они спустились глубоко вниз, и теперь смотрели на крыши храмов снизу вверх. К их великому изумлению монастырь оказался настолько близко, что они мигом позабыли о своих тревогах. Собрав в кулак последние силы, юноши бросились к этому пристанищу, забыв об усталости. Надежда на спасение окрыляла и вливала в уставшие конечности новые силы. Вскоре они

смогли различить приглушенные звуки гонга, призывавшего к ночной молитве. Мальчики, казалось, позабыли о холоде, так как теперь перестали поправлять свои накидки. Ветер еще сильнее разогнал окутавшие долину облака, и на темном небе рассыпались яркие звезды. Лунный свет стремительно ворвался в долину, пронзая ущелье до самой реки. Теперь они отлично просматривали гладкую тропу, витиевато петлявшую по долине, до самого монастыря. Никакие страхи не могли сломить их усилий, и спустя час юноши подошли к огромной каменной стене, скрывавшей за собой высокие постройки. Еще около получаса им понадобилось для того, чтобы отыскать массивные деревянные ворота, и один из мальчиков робко в них постучал.

Здесь, в горном кармане, ветер не беспокоил их, давая возможность вслушаться в монастырскую жизнь. Мальчишки пытались понять, что происходит внутри. Не дождавшись ответа, второй юноша подошел к воротам, и изо всех сил забарабанил кулаком по громоздкой преграде, отделявшей мир тревог и забот от познания и просветления. На этот раз их старания увенчались успехом, потому как за стеной слышались торопливые шаги. Со скрипом в воротах открылась небольшая дверь, из которой показался силуэт грузного монаха, одетого в длинную, накидку.

— Нечего так ломиться в монастырь через эти ворота, — прикрикнул он, увидев перед собой детей.

— Простите нас, — промолвил тот, который громко стучал, — но мы не нашли другого входа. Мы постучали тихо, но нас не слышали.

— Так вы не ученики?! — воскликнул он, осмотрев их. — Кто вы, детишки?

— Мы хотим стать учениками, — робко промолвили они в один голос.

— Неужели вы добрались сюда только сейчас, ночью? — изумился монах, утратив притворную первоначальную грубость, — днем я вас здесь не видел.

— Мы пришли полчаса назад, и все это время ходили вокруг в поисках входа.

— Проходите и стойте здесь, — кратко указал он место за воротами. — Сейчас с вами поговорят.

Юноши молча вошли на территорию монастыря и остановились, глядя вслед уходящему пожилому монаху. Побледневшая луна тусклым светом освещала корпуса учебных заведений, окна которых наполнялись мерцающими огнями масляных ламп. Здания были встроены прямо в гору. Для экономии места они теснились друг к другу, оставляя лишь небольшие коридоры для прохода. Фундамент зданий второго яруса совпадал по уровню с кровлями нижних построек, и таким

образом была застроена вся гора. Самое верхнее, находящееся на шестом ярусе этого причудливого каскада, здание венчало собой гору, из которого с тридцатиметровой высоты к ребятишкам доносилось едва уловимое пение послушников, сопровождаемое духовой ритуальной музыкой. Усилившийся ветер играл с этими звуками на свой лад, то унося старания поющих в небеса, то опуская глубоко в низину долины. Не успели юноши как следует вслушаться в это странное переплетение ночных звуков, как увидели перед собой неизвестно откуда появившегося старичка в желтых раскидистых одеяниях. В своих руках он держал увесистый тряпичный мешочек и глиняный кувшин.

— Наверно проголодались, детишки, — проговорил он, не дав им опомниться. — Доставайте свои миски, иначе мы можем и не закончить нашу беседу. Наверняка все ваши силы остались в долине.

Мальчики поспешили достать из-под одежды деревянные миски с ложками и протянули их монаху, который ловко наполнил их жареной ячменной мукой. После этого налил каждому из кувшина теплый чай и жестом пригласил присесть на землю. Песчаная поверхность оказалась довольно теплой, несмотря на низкую температуру воздуха. Земля не спешила отдавать накопленное за

день тепло. Мальчики с удовольствием сели на теплый песок и принялись размешивать содержимое мисок, превращая его в цампу. Во время трапезы монах внимательно следил за каждым из них.

— Итак, ребятки, — нарушил молчание старец после того, как миски мальчиков опустели, — теперь я готов вас выслушать. Кто вы, и ради чего, по вашему мнению, решили оставить свои семьи?

— Меня зовут Мимар, — взял речь высокий юноша с ясными светлыми глазами. — Мой отец пастух, и я лишь выполняю его волю.

Монах провел ладонью по его гладко выбритой голове, немного задержав движение на затылке.

— В тебе живут упорство и смиренность одновременно, — тихо проговорил он. — У тебя есть шансы. Дальше, — добавил он, переводя взгляд на других ребят.

— Я Тинджол, — воодушевленно промолвил худощавый паренек, видя успех своего товарища. — Я никогда не знал своих родителей. Я странствую по стране в поисках пищи. Три дня назад я познакомился с Мимаром и Жалсаном. Узнав, куда они идут, я решил присоединиться к ним.

Старик прикоснулся ладонью к груди юноши,

и спустя мгновение сказал:

— Ты открыт, Тинджол, но в твоём сердце живет жгучая обида на мир. Ты думаешь, что не виноват в твоих мучениях, но ты ошибаешься. Все, что с нами происходит — только наша заслуга и ничья другая. Я дам тебе шанс доказать нам, что ты способен понять это и измениться, но тебе будет сложно, как, впрочем, и всем другим.

Тинджол почтительно склонил голову, явно удовлетворенный ответом.

— А тебя, значит, зовут Жалсан, — слегка прищурился, сказал монах, переводя взгляд на третьего юношу.

— Да, — скромно ответил мальчик.

— Кто твои родители?

— Мой отец разделяет трупы и скармливает их грифам.

Монах выпрямился и недоуменно посмотрел на него.

— И ты посмел явиться сюда?! — с нескрываемым раздражением спросил он. — Как тебе только взбрела в голову такая нелепая мысль стать монахом да еще такого строгого монастыря? Этой ночью стены крепости послужат тебе надежным убежищем, но утром ты должен будешь уйти.

— Чем я хуже других, — едва сдерживая слезы, спросил Жалсан, осознав смысл

сказанного. — Разве я виноват, что мой отец выбрал для себя такую судьбу? Я не хочу идти по его следам, поэтому и пришел сюда.

— Ты выбрал свою семью самостоятельно, а сейчас жалуешься на это, — раздраженно пояснил учитель. — Утром уйдешь. Мне больше нечего добавить.

Слезы застыли в глазах Жалсана. Он едва сдерживал вырывающуюся из него ярость, но твердость характера одолевала бушующие чувства. Ни один мускул не дрогнул на лице, превратив его в камень, и лишь вздувшиеся вены на руках, сжатых в кулак могли выдать порывы негодования, в прошлом не раз одолевавшие это юное сердце. Несмотря на разжигавшийся внутри него огонь, Жалсан предусмотрительно спрятал руки под своим одеянием, наблюдая за происходящим.

— Ваш экзамен начинается прямо сейчас, — обратился монах к Мимару и Тинджолу. — Оставайтесь сидеть там, где сидите и не вставайте со своих мест до тех пор, пока вам не велют. Вам не придется спать до рассвета. Если заснете, провалите свой первый и, возможно, самый сложный экзамен. Утром и вечером вам принесут воду и еду. Принятие пищи — единственный момент, когда вам можно шевелиться. Следующую ночь вы также не должны спать, и если продержитесь до утра, я с удовольствием обниму вас как своих учеников.

Мальчишки тревожно переглянулись. Они не спали практически сутки. Их тела были настолько истощены, что требовали незамедлительного отдыха, поэтому новость о таком испытании повергла их в легкий шок. Жалсан, как и его более счастливые товарищи, удобно уселся на песке, и безразлично посмотрел на них. Еще минуту назад он считал ребят своими друзьями, но сейчас, видя их замешательство, не взирая на то, что им дали хоть какой-то шанс, счел их слабыми и почувствовал к ним презрение. Нет, такой возможности он бы не упустил, кроме того, и в этой, казалось безнадежной ситуации, не собирался сдаваться. Слишком часто на своем коротком веку приходилось ему брать нить судьбы в свои руки. Песок надежно поддерживал тепло его тела, но накидка, на которой сидел юноша, делала этот контакт неполным, поэтому он поспешно вытащил ее из-под себя. Плотнее прижавшись к земле скрещенными под собой ногами, Жалсан удовлетворенно расслабился и поднял голову вверх. Многочисленные огни масляных ламп, мерцающих из окон монастыря, плавно переходили в россыпи звезд на ночном небе. На эти яркие маячки он мог смотреть часами, поскольку в такие моменты в его юном Сознании просыпались необычные образы всевозможных животных, которых Жалсан никогда не видел в реальной жизни. Грифы, стаями

прилетавшие к его дому для получения своей порции кусков плоти, в таких видениях обретали огромные крылья, мощные лапы хищных животных и длинные хвосты рептилий. Вот и теперь их яркие силуэты грозно парили по ночному небосклону, и с каждым новым взмахом крыльев в птиц встраивались новые звезды, расширяя их причудливые тела. Такая трансформация не могла продолжаться бесконечно, так как звезды заканчивались, а жадность грифов не имела предела. Когда стервятники закончили поглощать светила Вселенной, они с яростью стали набрасываться друг на друга, желая удовлетворить свой разыгравшийся аппетит. Неизвестно, сколько могла продолжаться эта воздушная битва, если бы не наступление нового дня. Как только первые лучи Солнца озарили серебряные вершины заснеженных гор, последний гриф растворился в пространстве, и Жалсан перевел свой взгляд на сидевших неподалеку юношей.

Для Мимара эта ночь оказалась тяжелым испытанием. Он держался из последних сил. Его обессиленные веки постоянно слипались, и лишь упертые в землю руки не давали парню свалиться без сил, по примеру его товарища. Тинджол не обременял себя подобными страданиями, и спокойно спал на остывшем за ночь песке. Жалсан поднял небольшой камень и бросил в спящего.

Меткий бросок в лицо практически не потревожил парня. Он лишь провел рукой по ушибленному месту, сладко потянулся и перевернулся на другой бок. Этот эпизод позабавил Мимара, придав ему некоторый заряд сил. Они с Жалсаном переглянулись, и от бывшего непонимания не осталось и следа. Жалсан знал, что далеко не каждый может коротать ночи таким же образом, как и он. Юноша сам не понимал, спит ли он, или нет, но каждое утро после подобных практик его организм восстанавливался не хуже чем во время полноценного отдыха. Жалсан не раз намеревался поговорить на эту тему с отцом, но тот лишь смеялся над мальчиком, и говорил, что у него бурное воображение. Однако парню было не до смеха. Подобные видения сильно влияли на его жизнь и путали происходящие события. Именно поэтому он решил оставить родительский дом и искать ответы на свои вопросы у просветленных лам. В своем стремлении он не видел ничего зазорного, и оставался в досадном неведении причины отказа.

Жалсан хотел еще раз попытаться разбудить не выдержавшего испытания Тинджола, но увидев старца, который уже направлялся к ним, оставил эту затею и замер в позе лотоса. В первую очередь монах подошел к спящему и сильно потряс его за плечо. Мальчик неразборчиво что-то пробормотал и

неохотно поднялся с земли.

— Впервые вижу такого ленивца, — гневно проговорил настоятель. — Как по мне, ты заснул сразу после того, как я повернулся к вам спиной! Получи свой завтрак, — насыпая двойную порцию готовой цампы в его миску, сказал монах, — этого хватит тебе на обратную дорогу.

С этими словами он резко поднялся, подошел к Мимару и насыпал еду в уже приготовленную миску.

— Возьми, сын мой, пополни силы, — тихо промолвил старец. — Ты стойкий юноша, и заслужил хорошего завтрака. Держись. Я верю в тебя. Сейчас ты не понимаешь, почему с тобой так строго поступают, но уверяю, что в будущем это поможет тебе разбудить крепко дремлющие силы. Они могут прийти лишь через огромное терпение и боль, но это в свою очередь поможет обуздать не мыслимое напряжение и укрепит решимость.

Воодушевленный такой поддержкой, Мимар покорно склонил голову, не решаясь приступить к еде.

После своей речи монах поднялся и направился к Жалсану.

— Давай свою миску, мальчуган, — внимательно глядя на парня, сказал он. — Тебя ждет дальняя дорога домой, поэтому нужно пополнить силы.

— Мне не нужна еда, — сухо ответил Жалсан. — Я останусь здесь, и вы увидите, что дремлющие силы, о которых вы говорили Мимару, во мне уже разбужены, а твердость моего характера крепче алмаза.

— Да, — с нескрываемым восторгом проговорил монах, — эта ночь показала нам многое. Ты крепкий мальчик. Я вижу твою решимость, но мое слово также твердо, как и раньше. Ты должен уйти!

— Я выдержу испытание, которое вы мне задали, — возразил Жалсан.

— Я тебе ничего не задавал, а велел уйти, — удивился старик.

— Вы сказали, — стоял на своем Жалсан, — что преграда к зачислению в послушники — мой отец, которого я выбрал самостоятельно. Я не притронусь к пище и останусь здесь до тех пор, пока моя душа не покинет это тело, — Жалсан говорил так тихо, что старец невольно подался вперед, чтобы расслышать парня. — После этого я вернусь снова ровно через семь лет. Если вам нужно, чтобы моим отцом оказался пастух, у меня будет такой отец, хотя я не понимаю, чем вам не нравится та работа, которую делает мой отец, и чтобы вы делали, если бы не такие как он.

Высоко поднятые брови и широко раскрытые глаза монаха воодушевили парня. От едва

слышного шепота он перешел на строгий, не знающий возражения тон и сердито глядя на старца, продолжил:

— Разве скалистые земли Тибета позволяют нам хоронить наших отцов? Разве наши земли богаты деревьями, которые позволили бы предавать тела наших предков огню? Разве вы хотите, чтобы после того, как наши души оставляют тела и переселяются в иные миры, этот изможденный прах заполонил чистые живительные воды Цангпо?

— Можете не отвечать, — гневно добавил он, видя, что монах собирается что-то сказать. — Ответ — нет! Наша святая земля не оставила нам выбора, поэтому мой отец будет продолжать заниматься тем, чем занимается — разделыванием трупов!

Жалсан резко отвернулся в сторону. Внутри разгорячившегося юноши все кипело. Теперь, приняв такое ответственное решение, он не скрывал свою ярость, бившуюся в такт его пульсу, и не видел причин сдерживать подступившие к глазам слезы.

— Вы даже не поинтересовались, что заставило меня прийти к вам, — не глядя на старика, горько сказал Жалсан потухшим голосом, роняя слезы на землю, — а свалили все на моего отца, хотя он ни в чем не виноват!

Монах осторожно поднялся с земли и молча попятился назад. Отдалившись от парней шагов на

десять, он развернулся и поспешил к корпусам учебных заведений. Как только он скрылся в одном из них, Мимар и Тинджол повернулись и удивленно уставились на Жалсана. Он не обращал на них никакого внимания, пытаясь успокоить разбушевавшийся прилив необузданной силы. Мальчик молча смотрел в песок и ждал. Он понимал, что это не последняя беседа, поэтому старался настроить себя на уравновешенное и более взвешенное общение. Нет, он совершенно не жалел о том, в каком тоне прошел разговор, но все же понимал, что для достижения своих целей необходимо более четко себя контролировать. Парень не видел, как Мимар закончил есть. Не видел, как Тинджол, подкрепив свои силы, поднялся и навсегда покинул монастырь. Опустив голову, он видел лишь песок, который превратился для него в целый мир. Для того чтобы как-то отвлечься, Жалсан стал визуально приближать песчинки. Он мог увеличивать их до тех пор, пока каждая из них не становилась размером с Планету. Мысленно уходя в этот микромир, Жалсан обретал способность видеть его обитателей, еще более нереальных, чем звездные грифы. Они жили своей собственной жизнью, и парень многому научился у этих малюток. Большинство из них вели агрессивный образ жизни, поглощая друг друга. В этом случае Сознание погибших тут же

воплощалось во вновь рождающихся неподалеку телах, получая возможность пройти очередной путь. Такие перерождения могли длиться бесконечно долго, но, в конечном счете, после многих тысяч попыток, эти крошки утрачивали склонность к враждебности, и в случае нападения более молодых душ, принимали смерть без сопротивления и даже с радостью, осознавая и принимая долгожданный шанс ступить на новую ступень своего восхождения.

Жалсан не только видел все это, но и чувствовал. Он не разделял этот микромир со своей реальной жизнью. У него не было учителя, способного втолковать в его неокрепшее сознание все эти прожитые жизни. Звездные грифы, погибшие сегодняшней ночью, снова вернутся и окунутся в новую битву, поэтому юноша совершенно не страшился смерти и верил, что после нее последует очередное рождение.

— Здравствуй, Жалсан, — вывел его из задумчивости приятный бархатный голос, моментально окутавший мальчика теплым куполом, вытеснив из его сердца ярость и былое непонимание.

Жалсан слегка вздрогнул и оторвал взгляд от песчинок. В ярком солнечном свете, бившему ему прямо в глаза, он смог рассмотреть силуэт человека в длинных желто-оранжевых одеждах. Он частично

скрывал собой Солнце, и Жалсану казалось, что человек пылает в излучаемых им же золотых лучах. Теплота его голоса и необычный образ заставили Жалсана встать на колени и склониться перед ним в глубоком поклоне.

— Нет, нет, — рассмеялся монах, видя замешательство юноши. — Я вовсе не спустился к тебе с небес. Я настоятель этого монастыря и хочу поговорить с тобой.

Жалсан поднялся и еще раз посмотрел на него. Привыкнув к свету, он осознал неловкость ситуации и густо покраснел.

— Не переживай, — словно читая его мысли, произнес настоятель. — Лучше поешь. Тебе нужны силы.

— Я не притронусь к еде, — твердил Жалсан, безразлично глядя на миску, которую держал в своих руках монах. — Мне нужно стать учеником, и я им стану.

— Скажи мне, — миролюбиво продолжил настоятель, — почему ты хочешь стать учеником?

— Потому что я не такой как все, — ответил Жалсан, и в душе его вспыхнула надежда. — Я вижу то, чего не видят другие. Я чувствую то, что другим не подвластно. И мне это нравится. Но мне тяжело жить среди людей, в которых эти силы не разбужены. Я хочу, чтобы мне объяснили многие вещи, которые я не могу понять, но никто не может

этого сделать. Поэтому иногда меня одолевает такая ярость, что я боюсь навредить родным. Мне страшно от того, что я могу причинить им вред, сам того не желая. Я хочу жить там, где меня поймут и направят. Там, где мне объяснят смысл тех миров, жизнь которых для меня открыта.

Лицо настоятеля обрело все более задумчивое выражение, и когда исповедь юноши утасла, монах ласково произнес:

— А теперь поешь. Твои слова не оставляют мне выбора. Если все то, о чем ты говоришь, окажется правдой, то тебе даже не придется задержаться у нас. Я помогу тебе отыскать место, в котором тебя не только поймут и направят, но и помогут твоим способностям раскрыться в полной мере. Но сперва закончи испытание. Тебе осталось просидеть без движения до завтрашнего утра. Это сложно, но я верю в тебя.

Не веря своим ушам, Жалсан сглотнул подступивший к горлу ком. Его услышали!

«Просидеть до утра!» — эхом вторили слова настоятеля в его юном сознании.

Да ведь это же капля в весенней полноводной реке по сравнению с теми испытаниями, к которым он уже мысленно себя подготавливал! Теперь ему не нужно доказывать свою твердость через еще один круг смерти и рождения! Все его естество ликovalo. Такого приятного волнения он не

испытывал ни разу в жизни. Возможно, на него благотворно влияла та доброта, которую настоятель проявил к нему, а возможно, его окрылил успех, спустившийся на него благодаря настойчивости и проявленной твердости. Однако сейчас у него не было времени рассуждать об этом. Слегка дрожащими руками он вытащил из-под своих одеяний миску и протянул ее настоятелю.

— Это другое дело, малыш, — пересыпая еду из своей миски в миску Жалсана, сказал настоятель. — Увидимся завтра. Я сам приду взглянуть на твои успехи, — добавил он, поднимаясь с земли.

Жалсан проводил настоятеля взглядом, и лишь когда тот скрылся за грядой учебных корпусов, позволил себе взглянуть на еду. Оценив содержимое миски, он тут же вырыл небольшую ямку в песке и высыпал в нее добрую половину цампы, оставив себе всего несколько ложек.

«Мне нужны силы, — безмолвно ухмыльнулся он. — Если бы вы только знали, где я их беру!»

Позавтракав, Жалсан ладонью вытер миску, спрятал ее под свои одежды и замер. С этого мгновения время остановилось для него. Он смотрел сквозь здания монастыря, не замечая их. Они словно растворились в пространстве вместе со всеми послушниками и монахами. Иногда ученики

проходили совсем рядом и рассматривали его, но Жалсан продолжал настойчиво сидеть на уже горячем песке, предусмотрительно подстелив под скрещенные ноги подол своего одеяния. Отрешенно глядя вдаль, он сконцентрировал свой взгляд вне пределов этой крепости. Его воображение вновь рисовало ему иные миры, наблюдая за которыми мальчик терял грани реальности, и уходил глубоко в себя. Звуки Вселенной полностью вытеснили монастырскую суету. Настраиваясь на одну волну с некоторыми из планет, Жалсан слышал их прекрасную мелодию, неуклонно погружаясь в медитативное состояние. Этот симбиоз шепота пустынного ветра, деликатного оркестра духовых инструментов и удивительной приглушенной беседы дельфинов вводил юношу в легкий транс, купаться в котором он мог бесконечно долго.

Лишь старец смог вывести его из этого состояния. Он приблизился почти вплотную и настойчиво предлагал ему еду. Затуманенные зрачки юноши постепенно обрели былую ясность, и Жалсан твердым взглядом посмотрел монаху в глаза. Вытащив из под одежд небольшой мешочек, он пересыпал в него предложенную прожаренную ячменную муку, осторожно налил в миску маслянистый чай, и с безразличным видом поставил продукты около себя, не притронувшись к пище. После этого старец начал растворяться в воздухе, и

Жалсан снова утратил грань реальности. Он не замечал ушедшего за горизонт Солнца. Не обращал внимания на вспыхнувшие огни тысяч мерцающих ламп. Не видел он и Мимара, упавшего в беспомощности на песок, бесчувственное тело которого унесли двое монахов спустя пять минут после провала испытания. Все это для Жалсана утратило смысл. Всего несколько часов отделяло его от заветной цели, и он спокойно провел их до самого рассвета, прислушиваясь к уже полюбившимся космическим композициям. Каждая клеточка его тела, каждая частичка души насыщались этими удивительными вибрациями, с которыми он сонастраивался на одну частоту, получая от этого сладостные наслаждения.

Жалсан вернулся в себя перед самым рассветом, когда над долиной забрезжил солнечный свет и зажег в его душе радость от предвкушения долгожданной встречи с настоятелем. Темно-фиолетовое небо величественно отображало на монастырских постройках свои краски, придавая их стенам таинственный вид. Хор послушников давно умолк, и лишь едва уловимая музыка ветра дарила просыпающимся обитателям монастыря свою чистую мелодию. За ночь тело мальчика изрядно остыло, и он поспешил закутаться в растрепанные ветром одежды. Из учебных корпусов начали показываться силуэты монахов, и

с каждым разом у Жалсана замирало сердце, в надежде на то, что один из них окажется настоятелем. Но тот не спешил, и показался лишь тогда, когда над горизонтом появился край багрового Солнца. Жалсан распрямил плечи и приосанился. По телу прокатилась теплая волна, наполняя его приятным трепетом.

— Ты доказал свою состоятельность, — восторженно поприветствовал его настоятель кивком головы, подойдя ближе. — Я много повидал на своем веку, но такого удивительного мальчика как ты вижу впервые. Теперь ты можешь подняться и пойти со мной. Я думаю, у нас накопилось много вопросов, которые нам не терпится друг другу задать.

Жалсан с замиранием сердца слушал монаха, но подниматься с песка не спешил. Он практически не чувствовал своих затекших конечностей, поэтому прежде стал аккуратно растирать их руками. Настоятель с пониманием ожидал рядом и не торопил парня. После небольших усилий Жалсан почувствовал приток теплой крови к конечностям, с новой силой разливающейся по венам. Через несколько минут он вытащил ноги из-под себя и осторожно ступил на землю.

— Я смотрю подобные практики для тебя не в новинку, — промолвил настоятель, одобряюще наблюдая за его действиями.

— Иногда у меня бывают такие длительные видения, — признался он, — что, когда прихожу в себя, вообще не чувствую свое тело.

— Это плохо, — покачал головой настоятель, — но не переживай, мы это исправим.

Юноша учтиво поклонился.

— Теперь можешь идти? — поинтересовался монах.

— Думаю, да, — кивнул Жалсан, осторожно делая первый шаг навстречу своему опекуну.

— Вот и отлично, — придерживая мальчика за руку, сказал настоятель. — Если еще чувствуешь слабость, можешь держаться за меня, в этом нет ничего зазорного. После своих подвигов можешь этого совершенно не стесняться.

Жалсан с удивлением взглянул на монаха.

— О каких подвигах вы говорите?

— Не скромничай, — улыбнулся настоятель, стараясь держать удобный для мальчика темп. — Один из тридцати неподготовленных юношей способен выдержать то испытание, которое ты с честью преодолел. Как ты уже наверное догадался, наш монастырь очень строг при отборе послушников, но результат того стоит. В основном к нам приходят подготовленные ученики, которые прошли определенную школу. Откровенно говоря, мне немного жаль, что ты не сможешь проходить обучение в стенах этого храма, но твои способности

должны увидеть другие учителя.

— Я должен буду пройти еще одно испытание? — насторожился Жалсан.

— Да, — подтвердил настоятель, — но об этом позже. Сейчас тебе необходимо хорошо отдохнуть. У тебя будет отдельная комната. Ближайшие три дня ты будешь моим гостем, а после этого мы с тобой тронемся в путь.

В этот момент они подошли к одной из каменных лестниц, незаметно расположившейся между зданиями. Она вела на вершину крепости, к самым верхним корпусам. Несмотря на усталость, такой подъем подбодрил Жалсана, хотя непродолжительное пребывание вне медитации начинало напоминать о естественной потребности в отдыхе. Дойдя до верхнего яруса, настоятель резко свернул в сторону на обвивающую по окружности монастырь пыльную дорожку, увлекая юношу за собой. С этого уровня открывался умопомрачительный вид на долину, окутанную со всех сторон могучими горными хребтами. Там, далеко внизу, Жалсан снова увидел журчащую речушку, служившую им надежным ориентиром в те моменты, когда он со своими спутниками теряли путь в горных лабиринтах. Где они теперь, он не знал. Парень понимал, что Мимар не выдержал испытание, так как утром сидел на песке в полном одиночестве. Он подошел к краю дорожки и

осторожно посмотрел вниз. Его внимание сразу привлекла открытая площадка, на которой монахи играли с мячом, перебрасывая его через натянутые веревки. Игровое поле расположилось на втором ярусе и с тридцатиметровой высоты бегающие послушники напоминали Жалсану сумбурно копошащихся насекомых. Он воспринял это бессмысленное передвижение по очерченной поляне весьма скептически, и та строгость, с которой его принимали в храм, показалась мальчику слегка напыщенной. Однако он быстро изменил свое мнение, так как настоятель в этот раз не обременял себя ожиданием, и успел отойти от него на достаточное расстояние. Бросившись за ним, парень быстро догнал монаха, и больше не отставал от него ни на шаг. Вскоре они остановились около небольшого, обветшалого от времени здания.

Монах подвел Жалсана к двери и широко распахнул ее, пропустив юношу вперед. Мальчик вошел в скромно убранное небольшое помещение. Из оконного проема, вырезанного в стене, хорошо просматривались учебные корпуса и изогнутые кровли храмов. Легкое одеяло, простеленное под окном, в полной мере заменяло кровать. В дальнем углу комнаты лежал коврик для медитативных практик, около которого стоял кувшин с водой и пиала, наполненная неизвестной Жалсану едой.

— Это комната для гостей, — пояснил

настоятель. — Ты будешь жить здесь один, но иногда к тебе будет заглядывать монах и приносить пищу. Если что-то потребуется, можешь спросить у него, где меня найти. Как только ты отдохнешь и наберешься достаточно сил, мы тронемся в путь.

Жалсан учтиво поклонился, затем развернулся и без стеснений улегся на одеяло.

— Ты бы поел, Жалсан, — посоветовал настоятель, видя, что мальчик собирается спать. — После такого испытания тебе может потребоваться больше суток для отдыха, поэтому сейчас самое время подкрепить тело едой.

Жалсан с благодарностью посмотрел на монаха, и, не обременяя себя подъемом на ноги, на четвереньках подполз к предложенным угощениям. Сделав несколько глотков воды, юноша перевел взгляд на содержимое пиалы.

— Не бойся, — подбодрил настоятель, видя его смятение. — Попробуй. Это орехи, пропитанные медом. Такие сладости мы едим крайне редко, но сегодня ты их заслужил.

Парень взял с пиалы липкий орех, недоверчиво понюхал, и только после этого отправил его себе в рот. Тонкий привкус раннего весеннего меда изумительно сочетался с питательным маслянистым вкусом ореха. От наслаждения Жалсан закрыл глаза. Такого деликатеса он не ел никогда в жизни, и даже не

представлял, что в мире существует такая еда.

— Ну, вот и хорошо, — добродушно рассмеялся настоятель. — Теперь я тебя оставлю. Ешь, отдыхай, набирайся сил.

С этими словами монах вышел из комнаты, а Жалсан поспешил за второй порцией. Сделав еще глоток воды, он взял пиалу со сладостями в руки и забрался на одеяло. Так хорошо он давно себя не чувствовал. Через несколько минут Жалсан свернулся калачиком, закрыл глаза, и в ту же секунду провалился в сладостный мир сновидений, даже не успев доесть свое кушанье, а его рука так и осталась лежать на пиале с орехами.

Настоятель лишь немного ошибся в своих расчетах. Жалсан проспал больше суток, проснувшись под вечер следующего дня. Сладко зевнув, он открыл глаза и осмотрелся вокруг, вспоминая последние события, произошедшие с ним. Липкая рука помогла быстрее восстановить картину происходящего. Поднявшись с теплого одеяла, Жалсан подошел к двери и открыл ее. Легкий ветерок приятной прохладой ворвался в комнату, наполнив пространство сладковатой свежестью гор. Вдохнув полной грудью, Жалсан лениво потянулся и вышел за порог, где чуть не столкнулся с сидящим у входа молодым монахом. Послушник тут же поднялся, поклонился мальчику

и учтиво произнес:

— Настоятель велел мне отвести тебя к нему, как только ты проснешься.

Такое внимание явно польстило юноше, и он кивком головы дал понять, что готов выполнить его указания. Монах молча развернулся, и направился по узкой дорожке, ведущей вдоль стен. Жалсан не отставал от него ни на шаг, не обращая внимания на открывающиеся вдали красоты долины. Справа в двух шагах от них располагались корпуса учебных заведений, молитвенные залы и жилища руководящего состава монастыря. Слева их путь ограждали плоские кровли зданий нижнего яруса. В некоторых местах они располагались так близко к краю тропы, что при желании можно было спрыгнуть на них. Затем мальчик увидел лестницу, по которой настоятель привел его на верхний ярус, но спускаться по ней они не стали, а направились дальше. Вскоре дорога резко свернула за угол трехэтажного здания, и монах остановился у двери...

Дальше Матвей потерял четкий контроль над видением, которое поразительным образом открылось ему во сне. Он проснулся, но все еще смутно продолжал улавливать картинки видения, словно при ускоренном просмотре фильма. Он видел, как Жалсан с настоятелем покинули

монастырь, видел их непростой трехдневный переход через горы, видел, как путники достигли золотой дороги, ведущей к Рамахату, и что после этого, каждый пошел своим путем. Настоятель отправился обратно в монастырь, а Жалсан начал свое восхождение к стенам Рамахата. Матвей видел переживания парня при первом знакомстве с лунными лучами. Видел, как к нему навстречу вышел Ринпун для того, чтобы сопроводить его к воротам монастыря. Увидел он и то, как радостный Жалсан вошел в Рамахат, но то, что произошло за воротами, осталось для него закрытым.

2

Не в силах преодолеть барьер Рамахата, Матвей открыл глаза, стараясь как можно четче запомнить каждую деталь своего сновидения. Таких ярких переживаний другого человека он не испытывал никогда в жизни, но, как бы Матвей ни старался, воспоминания, хоть и медленно, все же угасали. Вскочив с кровати, он сел за письменный стол и стал быстро записывать увиденную историю. В некоторых местах Матвей терял ход событий, поэтому оставлял на белых листах пропущенные строки. Он не сомневался, что позже сможет восстановить эти пробелы, поэтому упорно продолжал записывать то, что помнил, и спустя

двадцать минут сновидение было отображено на бумаге. Матвей положил на стол ручку, удовлетворенно откинулся на спинку кресла и с нежностью взглянул на портрет в белоснежной резной рамке, стоявший перед ноутбуком. Это был портрет Кэтэри...

Вот уже две недели как он вернулся с Тибета и жил в своей городской квартире. Больше всего на свете Матвей не любил длительные ожидания, во время которых приходилось бездействовать. Линда уехала в свою очередную экспедицию, а Андрей находился в командировке, занимаясь PR-продвижением одного из политиков. Друзья оставили его в полном одиночестве, и ему ничего не оставалось, как затаиться и ждать. У него не было ни малейшего основания не доверять силам Кайласа, обещавшим помочь, поэтому он терпеливо коротал дни пустой городской жизни.

Бегло перечитав свои наброски, Матвей поднялся и отправился на кухню варить кофе. Разумеется, он давно перестал употреблять этот тонизирующий напиток, но сам процесс приготовления доставлял ему несказанное удовольствие. Всыпав несколько кофейных зерен в ручную деревянную кофемолку, Матвей сделал несколько оборотов и, глубоко вдохнув, закрыл глаза от удовольствия. Интенсивный карамельный аромат обжаренного кофе моментально проник в

легкие. Сосредоточив на нем все свое внимание, он стал ощущать новые глубокие нотки, которые невозможно услышать, не отключив зримый контакт. Матвей затаил дыхание. Он чувствовал, как кофейный аромат растекается по телу, и кровь до последней капли усваивает эликсир бодрости. Этот нежный бежевый поток, легкой дымкой разливался по телу до тех пор, пока полностью не впитался энергетической системой человека. Процесс занимал около трех минут, но Матвей, убаюканный пощелкиванием кофемолки, которую все еще вращал, не спешил делать следующий вдох. В конце восьмой минуты задержку дыхания пришлось прервать, чтобы не впасть в более глубокое состояние.

Пересыпав измельченный порошок в турку, он влил туда же немного воды и включил конфорку. Сладкий, слегка терпковатый аромат медленно растворялся в пространстве кухни, таким же образом, как десять минут назад распространялся по телу Матвея. Сейчас он мог сделать свою практику еще более приятной, так как под действием температуры аромат обретал совершенно неповторимые нотки вкуса, но горячий жидкий кофе имел свойство сбегать из турки, в чем Матвей убедился во время своей первой подобной практики. После этого он никогда не закрывал глаза и не оставлял без внимания этап нагрева, во время

которого продолжал насыщать свой организм приятным кофейным вкусом.

Пять минут спустя мужчина снова сидел в своем кресле за письменным столом, держа в руках чашку с обжигающей жидкостью, запаха которой пробуждали в нем новые воспоминания о своем невероятном сновидении. Образы мальчишек снова вырисовывались в его воображении, и Матвей постепенно восстанавливал в памяти моменты, которые не смог записать сразу после пробуждения. Поставив чашку на стол, он взял ручку, и уже не спеша принялся заполнять на исписанном листе оставленные пробелы. Матвей работал терпеливо и добросовестно. Температура заваренного кофе давно сравнялась с комнатной, но он продолжал переносить на бумагу свое сновидение. Снова и снова он перечитывал написанное, время от времени закрывая глаза, сравнивая достоверность отображаемых событий. Теперь, когда Матвей никуда не спешил, ему постепенно открывались утраченные обрывки.

Лишь к вечеру он вышел из погруженного состояния и оторвался от рукописи. Матвеем казалось, что теперь ночное видение запечатлено абсолютно точно, но оставались некоторые вопросы, ответы на которые он не находил. Замкнутое пространство его квартиры не позволяло увидеть всего, чего он хотел, поэтому отложив

листы в сторону, он вознамерился покинуть ее пределы, но мимолетный взгляд, скользнувший по изображению Кэтэри, заставил снова опустился в кресло и бережно взять портрет в руки.

Чтобы получить такой реалистичный портрет, ему пришлось проделать немало работы, но Матвей не жалел для этого ни времени, ни сил, ни средств. Вернувшись из Тибета, он первым делом составил фоторобот черт лица девушки. Сам он не владел подобными компьютерными программами, но в органах все еще работали его старые друзья, которые воссоздали описанный им образ настолько четко, насколько это вообще было возможным. После этого он начал поиск художника, который смог бы вдохнуть жизнь в сухую черно-белую картинку. Ему повезло не сразу. Лишь третий художник, оказавшийся совсем еще молодым парнем, смог вызвать в нем интерес, придав лицу Кэтэри свойственный только ей неотразимый образ. Матвей забраковал и эту работу, но художника уже не отпустил. Снабдив юное дарование внушительной суммой, он в буквальном смысле поселил его в своей квартире и мужчины работали совместно с утра до поздних ночей доводя до совершенства желаемый образ. Матвей был строг, и браковал работы вплоть до шестой, которую сейчас держал в своих руках.

Да, парню удалось невозможное, и он